

Мулахи С. Топос Египта в поэзии Серебряного века / С. Мулахи, Е. Н. Ельцова, С. М. Пинаев // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 237—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-237-255.

Mulahi, S., Eltsova, E. N., Pinaev, S. M. (2021). Topos of Egypt in Poetry of Silver Age. *Nauchnyi dialog*, 5: 237-255. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-237-255. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-237-255

Топос Египта в поэзии Серебряного века

Мулахи Самиха¹

orcid.org/0000-0002-3924-3179
аспирант
samihamoulahi@gmail.com

Ельцова Елена Николаевна²

orcid.org/0000-0003-1976-6359
кандидат филологических наук
elcova-elena@mail.ru

Пинаев Сергей Михайлович¹

orcid.org/0000-0001-7064-7510
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной
литературы филологического
факультета
serpinaev@mail.ru

¹ Российский университет дружбы
народов
(Москва, Россия)

² Университет Карфагена, Высший
институт языков Туниса
(Тунис, Тунисская Республика)

Topos of Egypt in Poetry of Silver Age

Samiha Mulahi¹

orcid.org/0000-0002-3924-3179
Post-graduate student
samihamoulahi@gmail.com

Elena N. Eltsova²

orcid.org/0000-0003-1976-6359
PhD in Philology
elcova-elena@mail.ru

Sergey M. Pinaev¹

orcid.org/0000-0001-7064-7510
Doctor of Philology, Professor
Department of Russian and Foreign
Literature of the Philological Faculty
serpinaev@mail.ru

¹ Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)

² University of Carthage, Higher Institute
of Languages of Tunisia
(Tunisia, Tunisian Republic)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В настоящей статье представлено описание специфики освоения географического и культурного пространства Египта в поэзии Серебряного века в период, когда зародился «русский» поэтический Египет как система лейтмотивов, образов-топосов и специфического лексикона. Отмечается, что в современном литературоведении, в осмыслении геопэтики регионального текста, наиболее полно исследованы произведения, посвященные европейскому континенту, в частности геопэтические региональные модели русской литературы. Актуальность исследования видится в необходимости осмысления и анализа геопэтики Египта и шире Африки как сакрального геокультурного пространства. Анализируются текстовые фрагменты поэтических произведений К. Бальмонта, В. Брюсова, И. Бунина, Н. Гумилева, В. Хлебникова, репрезентирующие устойчивые геопространственные образы и символы Египта. Авторы приходят к выводу о том, что в поэзии Серебряного века происходит сочетание геокультурных образов и символов с мифологическими мотивами, что придает топосу Египта геософское значение. Проанализированный материал позволил представить обобщенную художественную структуру геопэтического представления о Египте в поэтике Серебряного века и выделить пространственные геокультурные доминанты: *Нил, Африка, пустыня, Сфинкс, египетские герои как образы-топосы, арабский Восток.*

Ключевые слова:

геокультурное пространство (топос); геокультурный образ; геопэтика; Серебряный век; поэзия; египетский текст; Египет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The specificity of the development of the geographical and cultural space of Egypt in the poetry of the Silver Age at the time when the “Russian” poetic Egypt was born as a system of leitmotifs, images-topos and a specific lexicon is described. It is noted that in modern literary criticism, in comprehending the geopoeitics of a regional text, works devoted to the European continent, in particular, geopoeitic regional models of Russian literature, have been most fully investigated. The relevance of the study is seen in the need to comprehend and analyze the geopoeitics of Egypt and, more broadly, Africa as a sacred geocultural space. The textual fragments of poetic works by K. Balmont, V. Bryusov, I. Bunin, N. Gumilyov, V. Khlebnikov, representing stable geospatial images and symbols of Egypt, are analyzed. The authors come to the conclusion that the poetry of the Silver Age combines geocultural images and symbols with mythological motives, which gives the topos of Egypt a geosophical meaning. The analyzed material made it possible to show the generalized artistic structure of the geopoeitic representation of Egypt in the poetics of the Silver Age and to highlight the spatial geocultural dominants: *the Nile, Africa, the desert, the Sphinx, Egyptian heroes as images-topos, the Arab East.*

Key words:

geocultural space (topos); geocultural image; geopoeitics; Silver Age; poetry; Egyptian text; Egypt.

Топос Египта в поэзии Серебряного века

© Мулахи С., Ельцова Е. Н., Пинаев С. М., 2021

1. Введение

В современном литературоведении в осмыслении геопоэтики регионального текста наиболее полно исследованы художественные и документальные тексты (эпистолярии, мемуары), посвященные рассмотрению геокультурного пространства России, его внутренней структуры и системы взаимосвязей с мировым геокультурным пространством [Абашев и др., 2012; Лавренова, 2010; Манаков, 2002]. Геопоэтика Африки как континента и ее отдельных стран, в частности Египта, еще не сформировалась. Специальных работ, посвященных раскрытию геокультурного образа Африки, практически нет. Исключение составляет ряд публикаций [Кувшинов, 2015; Кузина, 2019; Майга, 2016], где представлен обзорный взгляд на место Африки в русской литературе и в творчестве отдельных авторов (например, Н. Гумилева), однако не рассматривается семантизация данного топоса в художественной и автодокументальной литературе.

Ранее мы обращались к рассмотрению геопространственного образа североафриканской страны (Тунис), находящегося на стыке средиземноморской, африканской и арабо-восточной культур. Геокультурный образ Туниса нашел яркое художественное воплощение в русской литературной традиции [Ельцова и др., 2017a]. Особое метафорическое и символическое наполнение данного образа представлено в путевых заметках писателя-символиста начала XX века Андрея Белого [Ельцова и др., 2017б]. Культурно-аксиологический образ стран Северной Африки (Алжир, Тунис и Египет) рассматривался нами также на основе путевых заметок русских путешественников конца XIX — начала XX веков [Мулахи и др., 2019; Мулахи, 2020]. Проведенный нами анализ геопоэтики литературы путешествий показал, что травелог является ярким репрезентантом геокультурного образа определенной страны, так как во время путешествия у автора возникает конкретный, индивидуальный географический образ, включающий в себя сведения не только об особенностях географического положения той или иной страны, но и о социальной, экономической и культурной специфике.

Предложенная статья посвящена рассмотрению геокультурного образа Египта, запечатленного в поэтических произведениях Серебряного века. Обращение к поэзии связано с тем, что поэтические тексты структурируют пространство с помощью образов и метафор, придающих ландшафту

полисемантическую наполненность. В художественном образе отражается не только непосредственно бытовой, но и символический пласт культурно-географической информации. Поэтический текст обладает способностью концентрировать значительную содержательную информацию в относительно небольшом объеме. Данное многоканальное использование языковых знаков ведет к повышенной информативной плотности поэтической речи. В силу данной особенности поэтический текст характеризуется более тесным по сравнению с прозаическим текстом расположением ключевых слов, занимающих позицию центральных узловых звеньев ассоциативно-семантической макросети. А. Блок привел следующее образное определение поэтического текста: «... всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение» [Цит. по: Виноградов, 1971, с. 40].

Материалом данного исследования послужили поэтические произведения К. Бальмонта, В. Брюсова, И. Бунина, Н. Гумилева, В. Хлебникова, репрезентирующие устойчивые геопространственные образы и символы Египта. В ходе анализа использовались элементы лексического, тематического и мотивного анализа, анализа образной системы поэтического текста. Особое внимание уделяется географическим названиям, их определениям, смысловой и эмоциональной нагрузке.

2. Геокультурный образ и его отражение в литературе

В литературоведении, лингвокультурологии активно рассматривается геокультурный образ той или иной территории (страны, региона, города и т. д.) [Александрова-Осокина, 2020]. В основу геокультурного подхода легли фундаментальные исследования Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова по семиотике пространства в литературе [Лихачев, 1987; Лотман, 2000; Топоров, 1983]. Ю. М. Лотман пишет, что «понятие географического пространства принадлежит к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека. Возникнув в определенных исторических условиях, оно получает различные контуры в зависимости от характера общих моделей мира, частью которых оно является» [Лотман, 2000, с. 297]. Представители культурной географии: В. В. Абашев, Д. Н. Замятин, В. Л. Каганский, О. А. Лавренова и др. — пытаются осмыслить процессы символизации географического пространства в культуре и литературе [Абашев и др., 2012; Замятин, 2006; Каганский, 2001; Лавренова, 2010]. Данные исследования включают в себя понятие геокультурного пространства (топоса), формирующегося на границе реального геофизического пространства и пространства художественного. Геокультурный топос представляет не только образ определенного географического места в литературном произ-

ведении, но выступает одной из форм бытия автора произведения, лирического героя и его переживаний. Геокультурное пространство в литературном произведении связано с геофизической и художественной основами произведения, вбирает систему определенных, часто неизменных реалий культуры, а также представлений об отдельно взятой географической территории, которые складываются благодаря взаимодействию и взаимовлиянию культурных традиций и картин мира [Замятин, 2006, с. 62].

Другим важным понятием геоэтики выступает «геокультурный образ». Наиболее полным, на наш взгляд, является определение, данное В. В. Абашевым и М. П. Абашевой: геокультурный образ — это «символический образ территории как единого целого», в котором «территория, ландшафт осознаются как значимая инстанция в иерархии уровней природного мира и становятся предметами эстетической и философской рефлексии, ландшафт концептуализируется и его доминирующие черты получают символическое осмысление» [Абашев и др., 2012, с. 143—144]. Геокультурные образы как компактные модели определенного географического пространства, воспринимаемые и наблюдаемые через призму культуры, социокультурных ценностей, знаков и символов, тесно связаны с эмоциональным, рациональным и концептуальным переживанием пространства. Они воплощаются через ключевые символы исторического и мифологического плана применительно к соответствующей стране. С помощью образов-топосов в литературе могут быть отражены не только географические особенности той или иной территории, но также и специфика культуры местного населения, которая в контексте геокультурологии рассматривается не столько в эстетическом плане, сколько в символическом.

В зарубежной науке выделяется понятие «гуманистическая география», обозначенное в работе Юй-фу Туан, которое может служить аналогом существующего в российской научной среде феномена культурной географии [Туан, 1978]. Гуманистическая география так же, как и культурная география, изучает возможности постижения пространства через индивидуальные представления о нем, эпистемологические ориентации, экзистенциализм, гуманизм, историческое мышление и социальное конструирование реальности.

3. Египетский текст русской литературы

Вопрос рецепции культуры Древнего Египта в русской литературе рассматривается в исследованиях Л. Г. Пановой, Н. В. Кузиной, Г. Г. Коптевой и других исследователей [Панова, 2006а; Панова, 2006б; Кузина, 2019; Коптева, 2016 и др.]. Л. Г. Панова ввела в литературоведение понятие «египетский текст» русской литературы, созданное по аналогии с уже существующими

атрибутивными конструкциями: «петербургский текст», «московский текст» и т. д. Обосновывая необходимость данного понятия, исследователь отмечает: «Как известно, классическая русская литература создала свой Петербург, свой Крым, свою Италию. Искусство слова наполнило эти географические понятия столь художественно и человечески убедительным, а по сути мифогенным, содержанием, что они легко заслоняют собой реальный Петербург, Крым и Италию. Мало кто знает, однако, что был у русской литературы и свой Египет. В переводе на цифры и даты это означает более 260 текстов, написанных семью десятками поэтов, прозаиков, драматургов, эссеистов и путешественников с конца XVIII века по 20-е годы XX века. Внушительные числовые показатели наводят на мысль о самобытном образе Египта» [Панова, 2006а, с. 192]. Монографии и статьи Л. Г. Пановой пробудили исследовательский интерес к египетским мотивам и образам в русской литературе Серебряного века. Исследователи обращаются к образу Египта и египетским мотивам в поликультуре акмеизма [Леонтьева, 2012], в поэтике О. Мандельштама [Леонтьева, 2013], Н. Заболоцкого [Коптева, 2016], Н. Гумилева [Никонов и др., 2019] и др. Соляной символизм египтян на основе анализа лирики и прозы К. Бальмонта рассматривается А. Б. Каратовой [Каратова, 2018]. Западные исследователи в «египтомании» писателей Серебряного века видят герменевтические традиции и зачастую обращаются к особенностям восприятия египетских мистерий Андрея Белого, см. [Матич, 2008; Ханзен-Леве, 2003]. Однако названные выше исследования затрагивают лишь отдельные аспекты заявленной проблемы, не выявляя специфики семантизации и символизации геокультурного пространства Египта в поэтике Серебряного века. В задачи нашего исследования входит проанализировать текстовые фрагменты, содержащие упоминание о Египте, рассмотреть историко-географический аспект восприятия культуры Египта в контексте поэтики Серебряного века и выявить основные пространственные доминанты.

4. Египет в художественном мире поэтов Серебряного века

Образ Египта имеет давнюю историю в русской общественной традиции. Однако в начале XX века происходит смена представлений о Египте: от Египта легендарного, известного по мифам и преданиям, к исторически достоверному, увиденному собственными глазами. Русское общество переживает всплеск интереса к Египту. Импульсом к освоению «египетской» темы становятся путешествия на Ближний Восток, зарождающаяся египтология и активное коллекционирование египетских древностей. До этого времени поездки из России в Египет были в основном паломническими, наиболее посещаемым местом был Синай, и геокультурный образ Египта создавался в традиционных рамках хождений и паломнических текстов.

Серебряный век ознаменован зарождением русского поэтического Египта. Он сложился в 1890—1900-х годах в поэзии М. А. Кузмина, В. С. Соловьева, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, И. А. Бунина как система лейтмотивов и образов-топосов. В последующие годы его расцвет был связан с именами А. А. Блока, Н. С. Гумилева, В. В. Хлебникова. Серебряный век русской поэзии, вобрав в себя различные эстетические направления, включил основные реалии исторического пространства Древнего Египта и возродил интерес к мифологической и исторической тематике. Тем самым египетский топос вовлекался в художественные и жизнетворческие программы авторов. Так, поездка М. А. Кузмина весной и летом 1895 года по маршруту Александрия — Каир — Гиза — Мемфис даст мощнейший импульс его поэтически-вокальному и драматическому творчеству («Александрийские песни» (1904—1905), повесть «Подвиги Александра Великого» (1909), цикл «София» (1917) и др.).

Путешествие И. А. Бунина и В. Н. Муромцевой в 1907 и в 1911 годах по Ближнему Востоку включило в себя посещение Александрии, Порт-Саида, Каира, пирамид Гизы. В период между двумя поездками Бунин создал серию египетских путевых поэм («Дельта» и «Свет Зодиака», 1907). В сонете «Ра-Озирис, владыка дня и света ...» (1905) сквозь призму мифологии отразился расцвет и закат египетской цивилизации. В очерке «Храм солнца» (1907) писатель коснулся вопросов египетской истории и мифологии.

Чаще других писателей в Египте бывал Николай Гумилев (1907, 1908, 1909, 1910 и 1913). В 1913 году поэт возглавлял научную экспедицию, санкционированную Музеем антропологии и этнографии при императорской Академии наук. Вклад Н. Гумилева в разработку египетской темы существенен: стихотворения «Эзбеки», «Красное море», «Египет», «Суэцкий канал», путевой очерк «Вверх по Нилу» («Листы из дневника», 1907), одноактная пьеса в стихах «Дон Жуан в Египте» (1912), переводы произведений О. Уайльда и Т. Готье, посвященные египетской тематике. О. А. Новиков и Д. А. Макеев, анализируя образ Египта в творчестве и судьбе Н. Гумилева, отмечают: «Гумилев воспринимал Египет культурным религиозно-историческим центром “детства вселенной”, источником мировой цивилизации. В отличие от многих собратьев по перу, он привлек внимание читателей к православным паломническим маршрутам, связанным с бегством Святого Семейства в Египет и пророком Моисеем. В моменты душевных потрясений Гумилев вспоминал воды священного Нила, уникальные места Каира, мысленно устремлялся туда, “где с Христом отдыхала Мария”» [Новиков и др. 2019, с. 555—556]. В сборнике «Шатер» (1921) Египет предстает в самом общем плане (его история, география, пейзажи страны) и в повторяющихся

образах: «пирамиды», «Сфинкс», «руины древних городов» (Мемфис, Фивы и Елефантины), «рабы», «жрецы».

Отдельная большая тема «К. Бальмонт и Египет». 24 ноября 1909 года Константин Бальмонт с Еленой Цветковой отплыли из Марселя в Александрию на немецком пароходе. Поэт посетил Каир, где общался с египтологом Гастоном Масперо и работал с материалами Египетского музея, созерцал пирамиды Гизы, Абидос, Луксор, Карнак, фиванские гробницы и другие святые места Египта. Еще до поездки в Египет К. Бальмонт перевел египетские стихотворения Шелли, опубликовал переложения древнеегипетских гимнов в «Зовах древности» (1909) и создал стихотворения на египетские темы. После поездки в Египет в 1912 году был опубликован его сборник «Зорево зорь», в 1914 году вышли очерки «Край Озириса» с авторским пересказом произведений древнеегипетской литературы, а в 1917 году были опубликованы «Египетские сказки». Л. Г. Панова отмечает, что в процессе формирования египетского топоса К. Бальмонт привлекал египетскую экзотику, использовал местные сюжеты, создавал особый тип лирического «я» — египтофила — исследователя древнеегипетской цивилизации [Панова, 2006а, с. 244].

В 1911 году уже ставший известным А. Белый и начинающая художница Ася Тургенева посетят Порт-Саид, арабский и коптский Каир, Булакский музей, приблизятся к мумии фараона Рамзеса II, прогуляются по набережной Каср-эль-Нил, откроют для себя Мемфис и пирамиды Гизы. Египетское путешествие будет описано сначала в путевых заметках «Египет» (1912), а потом — во второй неоконченной части мемуаров «Между двух революций» (гл. 1 «Африка», 1937). Но самое поразительное впечатление от Египта возникает в финальной сцене романа «Петербург» (1922), когда главный герой медитирует у великого Сфинкса.

Поэта-символиста А. Блока привлекала «безмолвная сказка пустынь», неизбывная загадка Сфинкса («Сфинкс», 1902). Столь же завораживающе-загадочна для поэта проникающая сквозь века магия египетской царицы Клеопатры («Клеопатра», 1907). Далекый Египет и современный Петербург смыкаются в таинственном образе Снежной Девы «Снежная дева» (1907). Историческая картина Древнего Египта воссоздается в последнем драматургическом произведении А. Блока — пьесе «Рамзес» (1919).

Представления о внутренней территориальной структуре Египта, его культуре, истории, природе в произведениях каждого из названных авторов индивидуальны, различаются и уровень знаний в области географии. Так, К. Бальмонт и В. Брюсов, обладавшие обширными географическими познаниями, обращались в своих стихотворениях к реальным топонимам, которые становились элементами их поэтического языка: «От скал Ара-

вии до тех Либийских гор / Мне мал — хоть скудному — воспетый твой простор» (Рубище) [Бальмонт, 1999, с. 391]; «Я был как лев, рожденный в пустыне, около оаза Хибиса, в зарослях» (Брюсов: Царь о себе самом) [Панова, 2006б, с. 22]; «Близ медлительного Нила, там, где озеро Мериды, / В царстве пламенного Ра ...» (Встреча) [Брюсов, 1933, с. 355].

В творчестве Н. Гумилева, побывавшего в Египте не раз, топонимы получают особое геософское значение. Так, Каирский сад Эзбекие привносит в поэтику поэта-акмеиста мотив «земного рая», соотносящегося с библейской землей и прародиной человека: «Но этот сад, он был во всем подобен / Священным рощам молодого мира» [Гумилев, 2017, с. 175]. В этом саду, подобном райскому, есть «пальмы-Марии», величавые деревья мудрецов-друидов, водопад, похожий на единорога: «И водопад белел во мраке точно / Встающий на дыбы единорог» (Эзбекие) [Там же].

В поэтике Серебряного века Египет обретает конкретные черты: из мифического образа, основанного на традициях хождений и паломнической литературы, он превращается в реальную территорию. Экзотические реалии становятся включенными в художественное пространство и получают особую смысловую и эмоциональную нагрузку.

5. Геокультурный образ Египта в поэтике Серебряного века

В поэзии Серебряного века Египет выступает особым геософским пространством, в котором топонимы и мифологемы создают территориальный образ, обладающий особым символическим контекстом. В поэтических текстах представлена топонимика, ономастика, названия египетских реалий и традиционных символов, получившие особое мистическое и экзотическое содержание. Синонимическим употреблением топонимов *Египет* и *Ассирия* подчеркивается культурно-историческая преемственность двух равновеликих древних цивилизаций: «Где миг — мига в веках — наш Египет — Ассирия» (Мысленно, Да!) [Брюсов, 1933, с. 596]. В данном же контексте используется параллельное упоминание ассирийского царя Ассаргадона и фараона Рамзеса II: «Ты — Озимандия? Ассаргадон? Ассаргадон? Рамсес? — Тебя не знаю я, твой вещанья ложны!» (Рамсес) [Там же, с. 193].

Важную роль в создании геокультурного образа Египта играет городская ономастика. Так, Сильсилэ, Элефантины в поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, И. Бунина и Н. Гумилева упоминаются исключительно в связи с историческими и мифологическими представлениями, а другие (Александрия, Каир, Гиза, Сива, Мемфис, Фивы и Дельта ...) как египетские реалии и топонимы: «Уж колышется Нильский разлив / Над чертогами Элефантины, / Над садами Мемфиса и Фив» (Египет) [Гумилев, 2017, с. 186]; «Чу! Сириус нам возвещает, / Что прибыл разлив в Сильси-

лэ» (Двойник) [Бальмонт, 1999, с. 393]; «До пирамид, среди долин, в пыли / Лежит Каир. Он сух и сер в апреле» (Каир) [Бунин, 2005а, с. 219]; «И Нил в вечерней мгле медлительной волной, / Катится на Саис по Дельте омраченной» (Вдвоем, они глядят с террасы потаенной) [Брюсов, 1933, с. 675].

История страны восхищает поэтов своим драматизмом и величием. Словно старинная книга, Египет вещает о своей многовековой культуре: «И весь Египет в вечной тризне ...» (Египет) [Бальмонт, 1999, с. 388]; «Египет, рубище с роскошной бахромой ...» (Рубище) [Там же, с. 391]; «Как картина из книжки старинной ...» (Египет) [Гумилев, 2017, с. 185]. Этот образ-культуроним характеризуется экспрессией, отражающей идентификацию в мировом геокультурном пространстве. Такие контексты выражают эмоциональную оценку Египта как великой цивилизации с древней историей.

6. Пространственные доминанты геокультурного образа Египта в поэтике Серебряного века

Лексический и мотивный анализ поэтических текстов позволил выявить устойчивые геопространственные доминанты, выступающие в качестве этноландшафтных маркеров Египта.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДОМИНАНТА «АФРИКА». Значимой составляющей в геокультурном пространстве Египта выступает его африканская ипостась. Этот топос вбирает и жгучее солнце Сахары, и зыбь пустыни, и черноликость ее богинь: «Ты жгучее в Африке, свет твой горит / Смертельно, в час полдня, вблизи Пирамид / И в зыбях песчаных Сахары» (Гимн солнцу) [Бальмонт, 1999, с. 242]; «Когда я близ тебя, мне чудится Египет / Вот — ночи Африки звездятся в вышине» (Юной кубанке) [Там же, с. 355].

Главным ландшафтным элементом геопозитики Египта как африканского топоса выступает пустыня. В рассматриваемых текстах представлено стереотипное и символическое видение этого экзотического географического объекта как жаркого края с жестокими климатическими условиями. Ее «экзотичность» представлена богатым лексическим полем: *песок, пальма, верблюд, оаза, жара, Сахара, хамсин* и т. д. В описании пустыни подчеркиваются ее три основные характеристики: господство песчаного желтого / золотого цвета, знойность и бескрайность. Многочисленные колористические эпитеты и метафоры создают эмоциональную окраску «песчаного пространства»: «в пустыню желтую», «в зыбях песчаных Сахара», «на красноватом золоте Сахары» (К. Бальмонт); «струятся золотой водой пески» (В. Брюсов); «золотой, из песка» (Н. Гумилев), «пески блестят», «струятся золотой водой пески» (И. Бунин). Пустыня характеризуется как местность, «где нет ни грозы, ни грома», как «выжженная» (К. Бальмонт), окутанная жаром и зноем поверхность: «пустыня в тусклом жарком

свете», «на нубийском диком юге — мутны, знойны», «в знойном свете», «знойный ветер с юга веет», «в песке сухом и сером» (И. Бунин).

Пустыня также осмысливается как беспредельное, бескрайнее пространство: «страна без радуги окруженной <...> однообразием одета» (К. Бальмонт); «по бездорожьям царственной пустыни», «песок бескрайный», «даль песков» (В. Брюсов); «в океане нагих песков» (И. Бунин). Лишенная жизни пустыня противопоставлена зеленым полям и оазам, в описании которых традиционно доминируют цветовые характеристики «изумрудный» и «зеленый»: «Изумрудные эти равнины ...» (Египет) [Гумилев, 2017, с. 185]; «Золотые, изумрудные / Черноземные поля ...» (Нильская Дельта) [Соловьев, 1974, с. 122]; «И в песчаные пространства <...> Для зеленого убранства» (Поля египетские) [Бальмонт, 1999, с. 389].

Египет воспринимается как воплощение африканской экзотики, наиболее ярко представленное в поэзии К. Бальмонта. На египетской земле больше нет папируса, но лотос напоминает о величии Древнего Египта: «Нил течет, и папируса нет, / Но лотос расцвел голубой» (Египет) [Бальмонт, 1916, с. 62]. Поэт стремится к творческому воссозданию прошлого страны, его поэтический язык подобрал приметы ушедшей цивилизации, предметы искусства, виды флоры и фауны: «Улетели священные ибисы / Не алеют озера фламингами, / Пронеслись Австралийские лебеди, ... / Не восходят над Нилом папирусы / Не приветствуют Горуса лотосы / Только пепельно-черные ирисы» (Закатная пирамида) [Там же].

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДОМИНАНТА «РЕКА НИЛ». «Нил» как самый крупный природный объект, обладающий большим значением в культуре Египта, присутствует практически во всех «египетских» текстах поэтов Серебряного века и получает особое символическое наполнение: Нил — это сущность Египта. По утверждению древнегреческого историка Геродота, Египет — это «дар реки». Река образовала пространство суши, ставшее территорией страны: «Вся страна — эта только река, / Окаймленная рамкой зеленой / И второй, золотой, из песка» (Египет) [Гумилев, 2017, с. 188]; «В стране, где, просверлив песок бескрайный, / Поит пустыню Многоводный Нил» (III. Египет) [Брюсов, 1933, с. 644].

Нил выступает символом спокойствия и мира: «ленивый, медлительный, сонный, убаюкивающий, ленивый» (И. Бунин, В. Брюсов, К. Бальмонт). Его величие и мудрость передаются эпитетами и метафорами: «священный» (В. Брюсов); «властитель единый» (Н. Гумилев); «древний» (В. Брюсов); «старый, умный» (В. Хлебников); «царственный», «небесная дорога», «священная река» (К. Бальмонт) и т. п. В поэтике Серебряного века Нил сохраняет образ источника жизни. Благодаря разливу Нила удобрялись земли Египта и существовала уникальная древнеегипетская цивилизация. Мотив «разлива

Нила» в рассматриваемых текстах представлен повторяющимися глагольными и отглагольными формами: «разлился, плывет, катится, ревет, дышит, быстро течет, гудит, откроется»; «разлитие Нила»; «Колышется нильский разлив» (Н. Гумилев); «воды Нила подымаются», «Нил влчил свои разливы» (В. Брюсов), и эпитетами: «разливный, текущий, вдыхающий». Он представляет собой символ плодородности и плодоносности: «многоводный Нил», «жизнь дающий», «оживляет земли», «поглощает слезы», «свершает все желания», «расточает щедро», «вовек не истощается» (В. Брюсов); «плодоносный», «мутной влаги ссудит Нил» (К. Бальмонт).

Этот гидромаркер, помимо непосредственно культурно-географической информации, вписан в систему мифологического пантеона, он символизирует египетскую мощь и божественную силу. Поэты возвращают этой реке древнее, подчас сакральное содержание: «Слезы Изиды, что пали алмазом, / Нил отмечает растущей чертой» (Озирис) [Бальмонт, 1912, с. 145]; «По желанию Озириса, / Там, где свежий дышит Нил» (Строитель) [Бальмонт, 2011, с. 814]; «Желтый Нил, Где молятся солнцу» (Азы из узы) [Хлебников, 2004, с. 138]. Река наделяется магическим свойством соединять прошлое с будущим, объединяет земные координаты и мировую культуру: «Кто испробовал воду из Нила / Будет вечно стремиться в Каир» (Египет) [Гумилев, 2017, с. 187]. В стихотворении В. Брюсова «Гимн Нилу» Нил выступает не только в образе дающего всему жизнь, но и в образе создателя рыб, «зодчего храмов», царящего над «Югом и Севером», радеющего над веками (Брюсов: Гимн Нилу) [Панова, 2006б, с. 13].

Нил как геософский объект поэтических произведений священен: с одной стороны, он связан с миром небесным, с другой — с царством мертвых: «Белый Нил, Небесная дорога / Млечности созведные разлив» (Небесная дорога) [Бальмонт, 1912 с. 141]; «В пустыне, где царственный Нил / Купает ступени могил» (Пирамиды) [Брюсов, 1933, с. 615]. Мистическое значение Нила выражается мифологическим пространством не только египетской культуры, но и греческой. Нил сравнивается с рекой в подземном царстве Аида «Стикс»: «Ленивый Нил плывет как воды Стикса»; «Но словно Стикс, струится черный Нил» (В разрушенном Мемфисе) [Там же, с. 443—444]. Тем самым гидроним Нил вписан в заданную древнеегипетской мифологией модель Вечности, он соединяет прошлое и настоящее, мир живых и мертвых.

Сфинкс как геокультурный образ. В поэтике Серебряного века Сфинкс выступает одним из доминирующих поэтических образов, что обусловлено его глубоким символизмом. Главным образом в отображении Сфинкса пересекаются греческая и египетская легенды. В египетской мифологии Сфинкс выступает символом силы, могущества и мудрости, символом постижения истины, а в греческой — символом загадки и тайны. Одна из

популярных метафор поэтики Серебряного века, восходящей к древним мифологиям, Сфинкс — зооморфная и антропоморфная сущность. Если у египетского Сфинкса голова человека и тело льва, то в греческой мифологии Сфинкс — чудовище, порожденное Тифоном и Эхидной, с лицом и грудью женщины, телом льва и крыльями птицы [Мифы народов мира, 2008, с. 954]. Феминность мифического Сфинкса в поэтике Серебряного века снимается. Так, К. Бальмонт отобразил египетского Сфинкса в виде греческого божества: «Дух орлиный, дух крылатый, львинотелый, быкогрудый сфинкс ...» (Четыреликий) [Бальмонт, 1916, с. 38]. В поэтике В. Брюсова египетский Сфинкс с разрезом чуть прикрытых глаз, с уклоном чуть надменных губ, с «застылым очерком бледных щек» пронес через века «мечты и гибель» (Египетский профиль) [Брюсов 1933, с. 522]. Сфинкс помещен в африканский топос: его окружают пирамиды, пустыня и пески Африки: «Безносый Сфинкс среди полей Гизеха» (Ра — Озирис, владыкя дня и света ...) [Бунин, 2005а, с. 142]; «А Сфинкс от пирамид / Глядит в ночную бездну — ...» (Каир) [Там же, с. 219]; «Сфинкс улегся на страже святых / И с улыбкой глядит с высоты / Ожидая гостей из пустыни» (Египет) [Гумилев, 2017, с. 12]. Он наделен магическими характеристиками: его взгляд устремлен в реальную и мистическую даль, он вещает, величав и умен: «И о Сфинксе, когда-то вещательном» (Закатная пирамида) [Бальмонт, 1916, с. 62]; «Быть создателем загадок, сфинксом пирамид» (Три страны) [Бальмонт, 2011, с. 145]. Сфинкс как хранитель религии и божественных мистерий, символ воскрешения после смерти включен в ряд древнеегипетских образов загробного культа и религии (пирамиды, мумия, гробница / могила, саркофаг, иероглифы, храм, жрец, боги, Озирис / Осирис, Изиды, Сет / Сэт, Гелиополь): «Я видел Нил и Сфинкса-исполина / Я видел пирамиды: ты сильней / Прекрасней, допотопная руина!» (Храм Солнца) [Бунин, 2005а, с. 198]; «Ушли фараоны / Их нарядные мумии спят» (Бальмонт: Египет) [Панова, 2006б, с. 55].

Сфинкс становится не только объектом изображения, но и проводником постижения тайн древней цивилизации. В стихотворении К. Бальмонта «Четыреликий» лирический герой переживает момент единения с Великим Сфинксом: «Возле Сфинкса тихо мысля, невдали от Пирамид <...> / Я, смотря со Сфинксом в дальность, не боюсь ничьих угроз» (Четыреликий) [Бальмонт, 1916, с. 39—40].

ЕГИПЕТСКИЕ ГЕРОИ КАК ОБРАЗЫ-ТОПОСЫ. Наряду с воссозданием традиционного образа Египта как родины пирамид и Сфинкса поэты обращаются и к античным сюжетам. Источником вдохновения по-прежнему является «героический Египет» с его великой историей. Личности таких известных египетских фараонов, как Рамзес, Амен-Готеп, Аммон, Эхнатон, Хуфу, Снофру,

Менкаура, становятся образами-топосами в произведениях поэтов Серебряного века: «О, гордый фараон, безжалостный Рамсес! / Твой страшный мир погиб, развеялся, исчез ...» (Чуть видные слова ...) [Брюсов, 1933, с. 636]; «В базальты скал вбивая анналы, / Рабы, под плетью фараона Снофру» (От Перикла до Ленина) [Там же, с. 552]; «Так же ль там Амен-Готеп четвертый, / Сердцем отдавая Солнцу дань» (Небесная дорога) [Бальмонт, 1912, с. 141].

В произведениях Серебряного века представлена целая вереница античных героев, так или иначе связанных с Египтом (Александр Великий, Антоний, Клеопатра, Моисей, жрец): «Та Клеопатра, с пламенем в крови, / Пленителен, пред этой Змейкой Нила, / Антоний, сжегший ум в огне любви» (Гимн солнцу) [Бальмонт, 1999, с. 245]; «К оракулу и капищу Сиваха / Шел Александр. Дыханием костра ...» (Александр в Египте) [Бунин, 2006а, с. 220]; «Я — жрец Изиды Светлокудрой; / Я был воспитан в храме Фта» (Жрец Изиды) [Брюсов, 1933, с. 191].

Наряду с историческими и мифологическими персонажами, являющими собой величие, мощь и символику древнего Египта, в поэзии рубежа веков поэтизируется и простой бедный раб с его трагической судьбой, на труде которого основывалось могущество империи и возводились вечные «святые пирамиды»: «Я жалкий раб царя, и жребий мой безвестен; / Как утренняя тень, исчезну без следа ...» (Египетский раб) [Брюсов, 1933, с. 418]. Через века египетский раб возродится в арабском феллахе и также будет воплощать в воображении поэтов величественный Египет: «Мной пространства грязи взрыты, / Буду, был и есмь Феллах» (Поля египетские) [Бальмонт, 1999, с. 389].

ОБРАЗ АРАБСКОГО ВОСТОКА. Геопозтика Египта Серебряного века, помимо древнеегипетских образов и топонимов, включает в себя также изображение мифопоэтической картины мира арабского Востока, воспринимаемого сквозь призму ислама, важнейшей составляющей части арабской культуры (Шейх, Коран, мечеть, араб, минареты, луна). Наиболее ярко данный образ представлен в творчестве Н. Гумилева и И. Бунина.

В поэтике Н. Гумилева Египет воспринимается в единстве древнеегипетской и восточной культур, в единстве прошлого и настоящего. В стихотворении «Зараза» Восток в виде «красных фесок», «длинных знамен Пророка», «с духами и шелками» несет в Каир «заразу». Вещателями недуга становятся аисты, вносящие в поэтическую канву магический, оккультный мотив Древнего Египта: «Аисты — воздушные маги, / Им многое тайное понятно: / Почему у одного бродяги / На щеках багровые пятна» (Зараза) [Гумилев, 2017, с. 53]. В египетской мифологии Ибис (аист) являлся символом бога мудрости, счета и письма Тота, играющего ведущую роль в культе мертвых и в погребальном ритуале [Мифы народов мира,

2008, с. 991]. Древний Египет как «обломок старинного крипта» продолжает свое существование в «другой душе»: «Под твоей зазвеневшей ногой, / Есть другая душа у Египта / И торжественный праздник другой» (Египет) [Гумилев, 2017, с. 186]. Этот «другой» восточный Египет гармоничен и, согласно поэтике акмеизма, выражен в экзотических деталях: «Точно дивная Фата-Моргана, / Виден город у ночи в плену, / Над мечетью султана Гассана / Минарет протыкает луну. <...> Шейхи молятся, строги и хмуры, / И лежит перед ними Коран, / Где персидские миниатюры, / Словно бабочки сказочных стран» (Египет) [Там же, с. 187].

В поэтике И. Бунина Египет как часть арабского Востока становится предметом творческого поиска и понимания. В пейзажной лирике поэта арабский Восток вписан в мир гармонии природы, религии и быта: «Пустыня в тусклом, жарком свете. / За нею — розовая мгла. / Там минареты и мечети, / Их расписные купола» (Пустыня в тусклом, жарком свете) [Бунин, 2005б, с. 47]. С другой стороны, Египет с пейзажными и архитектурными зарисовками, с древнеегипетскими богами вписан И. Буниным в восточное мистическое учение о борьбе света и тьмы. В стихотворении «Каир» город становится лишь топосом («Среди долин, в пыли, / Лежит Каир. Он сух и сер в апреле»), где проходит смена дня и ночи, смена светлого и темного начал, смена религиозных учений: «Бил барабан, и плакал муэzzин. / В шафранно-сизой мути, за пустыней, / Померк закат. <...> А сфинкс от пирамид / Глядит в ночную бездну — на Апит / И темь веков. Бог Ра в могиле. В яме» (Каир) [Бунин, 2005а, с. 219]. На смену древнеегипетскому богу солнца и света Ра приходит Коран — «книга звезд небесных». Египетская пустыня оживает под покровительством священной Книги и дается в контексте земного живого восточного мира: «Мы проводим солнце, обувь скинем / И свершим под звездным, темным, синим / Милосердым небом свой намаз ...» (Тонет солнце, рдяным углем тонет ...) [Там же, с. 142].

7. Заключение

В поэзии Серебряного века геокультурный образ Египта вовлекается в художественные и житнетворческие программы поэтов, чему способствуют реальные поездки на Ближний Восток. Стихи поэтов наполняются во многом новыми для русского человека географическими образами и топонимами. Египет из мифического образа превращается в реальную территорию, увиденную поэтами. Его геокультурный образ формируется на пересечении реального знания и мифологических представлений. Мотивный и лексический анализ поэтических текстов позволил выделить пространственные доминанты в геопэтике образа: Африка, пустыня, Сахара, Нил, Сфинкс, египетские герои как образы-топосы, арабский Восток. Исторические об-

разы-топосы олицетворяют представления поэтов Серебряного века о географии Египта, его древнейшей истории, культуре и религии. Восточные образы-топосы формируются посредством влияния на геокультурный образ Египта традиций арабского мира и ислама. Реалии исторического пространства древнего и арабского Египта становятся символами и маркерами геоэтики Серебряного века как заданной модели бытия, включающей ценности культуры и памяти, восприятие природно-бытового и мифологического.

Источники

1. *Бальмонт К. Д.* Лирика / К. Д. Бальмонт. — Минск : Харвест, 1999. — 480 с. — ISBN 985-433-344-2.
2. *Бальмонт К. Д.* Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / К. Д. Бальмонт. — Москва : «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 1307 с. — ISBN 978-5-9922-0948-8.
3. *Бальмонт К. Д.* Зареве зорь / К. Д. Бальмонт. — Москва : Гриф, 1912. — 166 с.
4. *Бальмонт К. Д.* Ясень. Видение Древа / К. Д. Бальмонт. — Москва : Изд-во Некрасова К. Ф., 1916. — 240 с.
5. *Брюсов В. Я.* Избранные стихи / В. Я. Брюсов. — Москва : Academia, 1933. — 749 с.
6. *Бунин И. А.* Полное собрание сочинений в 13 томах : Стихотворения (1888—1911) ; Рассказы (1892—1901). — Москва : Воскресенье, 2005. — Т. 1. — 576 с. — ISBN 5-88528-478-4.
7. *Бунин И. А.* Полное собрание сочинений в 13 томах : Стихотворения (1912—1952) ; Повести, Рассказы (1902—1910). — Москва : Воскресенье, 2005. — Т. 2. — 592 с. — ISBN 5-88528-483-0.
8. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений в одном томе / Н. С. Гумилев. — Москва : «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 1148 с. — ISBN 978-5-9922-0923-5.
9. *Соловьев В. С.* Стихотворения и шуточные пьесы / В. С. Соловьев. — Ленинград : Советский писатель, 1974. — 351 с.
10. *Хлебников В. В.* Собрание сочинений в 6 томах : Стихотворения в прозе : рассказы, повести, очерки, сверхповести. 1904—1922. / В. В. Хлебников. — Москва : ИМЛИ РАН. Наследие, 2004. — Т. 5. — 462 с. — ISBN 5-9208-0021-6, 5-9208-0213-8.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашева В. В.* Литература и география : Урал в геоэтике России / В. В. Абашева, М. П. Абашева // Вестник Пермского университета. — 2012. — № 2 (12). — С. 143—151.
2. *Александрова-Осокина О. Н.* Вопросы геоэтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 216—241. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-216-241.
3. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1971. — 240 с.
4. *Ельцова Е. Н.* «Араб есть цветок ...» : геокультурный образ Туниса в путевых заметках А. Белого / Е. Н. Ельцова, С. Мулахи // Русский язык за рубежом. — 2017. — № 3 (262). — С. 96—103.
5. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов : монография / Д. Н. Замятин. — Москва : Знак, 2006. — 487 с. — ISBN 5-9551-0144-6.

6. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство / В. Л. Каганский. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с. — ISBN 5-86793-142-0.

7. Каратанова А. Б. Образы солярной мифологии египтян в восприятии и оценке К. Д. Бальмонта / А. Б. Каратанова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 4 (25). — С. 169—172.

8. Коптева Г. Г. Стихотворение Н. Заболоцкого «Бегство в Египет»: парадокс двупризмовости мироотношения / Г. Г. Коптева // Культура. Духовность. Общество. — 2016. — С. 54—60.

9. Кувшинов Ф. В. Тема Африки в русской литературе первой трети XX века / Ф. В. Кувшинов // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. — 2015. — № 2. — С. 45—49.

10. Кузина Н. В. К вопросу о рецепции Древнего Египта в русской литературе / Н. В. Кузина // Бюллетень науки и практики. — 2019. — Т. 5. — № 11. — С. 395—403. — DOI: 10.33619/2414-2948/48/49.

11. Лавренова О. А. Пространства и смыслы : семантика культурного ландшафта / О. А. Лавренова. — Москва : Институт Наследия, 2010. — 327 с. — ISBN 978-5-86443-162-7.

12. Леонтьева А. Ю. Два «Египтянина» в эстетике О. Э. Мандельштама / А. Ю. Леонтьева // Язык и культура. — 2013. — С. 104—108.

13. Лихачев Д. С. Избранные работы : В 3 т. Человек в литературе древней Руси ; О «Слове о полку Игореве» ; Литература реальность — литература ; О Садах / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Художественная литература, 1987. — Т. 3. — 519 с.

14. Лотман Ю. М. Семиосфера. Статьи. Исследования. Заметки. (1968—1992) / Сост. М. Ю. Лопшан. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с. — ISBN 5-210-01562-9.

15. Майга А. А. Африка во французских и русских травелогах (А. Жид и Н. Гумилев) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03, 10.01.01 / А. А. Майга. — Санкт-Петербург, 2016. — 21 с.

16. Манаков А. Г. Геокультурное пространство Северо-Запада Русской равнины : динамика, структура, иерархия. — Псков : Возрождение, 2002. — 298 с. — ISBN 5-902166-02-0.

17. Матич О. Эротическая утопия : новое религиозное сознание и fin de siècle в России. — Москва : НЛЮ, 2008. — 400 с. — ISBN 978-5-86793-642-6.

18. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва, 2008. — 1147 с.

19. Мулахи С. Культура Северной Африки в путевых заметках русских путешественников конца XIX — начала XX века / С. Мулахи, С. М. Пинаев // Вестник РУДН. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2019. — Vol. 24. — № 3. — С. 585—595. — DOI: 10.22363/2312-9220-2019-24-3-585-593.

20. Мулахи С. Северная Африка сквозь призму восприятия русских путешественников : Алжир, Тунис, Египет в русских травелогах / С. Мулахи // Полилингвальность и практики. — 2020. — Т. 17. — № 4. — С. 505—513. — DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-4-505-513.

21. Никонов О. А. Образ Египта в творчестве и судьбе Николая Гумилева / О. А. Никонов, Д. А. Макеев // Запад и Восток : история и перспектива развития. Сборник статей 30-ой Юбилейной Международной научно-практической конференции, 18—19 апреля 2019 г. / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. — 2019. — С. 555—565.

22. Панова Л. Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина / Л. Г. Панова. — Москва : Прогресс — Плеяда, 2006а. — Книга I. — 680 с.

23. Панова Л. Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. Приложения, Библиография, указатель / Л. Г. Панова. — Москва : Прогресс — Плеяда, 2006б. — Книга II. — 408 с. — ISBN 5-902312-80-9.

24. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семиотика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. — Москва : Наука, 1983. — С. 227—285.

25. Ханзен-Леве А. Русский символизм : система поэтических мотивов : Мифопоэтический символизм начала века : Космическая символика / А. Ханзен-Леве. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. — 413 с. — ISBN 5-7331-0256-X.

26. Tuan Y. Literature and geography : implication for geographical research / Y. Tuan // Humanistic geography : prospects and problems. — Chicago : Maaroufa Press, 1978. — Pp. 194—206.

MATERIAL RESOURCES

Balmont, K. D. (1912). *The glow of the dawn*. Moscow: Grif. 166 p. (In Russ).

Balmont, K. D. (1916). *Ash. Vision of the Tree*. Moscow: Publishing house of Nekrasov K. F. 240 p. (In Russ).

Balmont, K. D. (1999). *Lyrics*. Minsk: Harvest. 480 p. ISBN 985-433-344-2. (In Russ).

Balmont, K. D. (2011). *Complete collection of poetry and prose in one volume*. Moscow: “ALPHA-BOOK Publishing House”. 1307 p. ISBN 978-5-9922-0948-8. (In Russ).

Bryusov, V. Ya. (1933). *Selected poems*. Moscow: Academia. 749 p. (In Russ).

Bunin, I. A. (2005). *Complete collection of works: in 13 volumes, 1*. Moscow: Sunday. 576 p. ISBN 5-88528-478-4. (In Russ).

Bunin, I. A. (2005). *Complete collection of works in 13 volumes, 2*. Moscow: Sunday. 592 p. ISBN 5-88528-483-0. (In Russ).

Gumilev, N. S. (2017). *Complete works in one volume*. Moscow: “ALPHA-BOOK Publishing House”. 1148 p. ISBN 978-5-9922-0923-5. (In Russ).

Khlebnikov, V. V. (2004). *Collected works in 6 volumes., 5: Poems in prose: stories, stories, essays, super-stories. 1904—1922*. Moscow: IMLI RAS. Heritage. 462 p. ISBN 5-9208-0021-6, 5-9208-0213-8. (In Russ).

Solovyov, V. S. (1974). *Poems and comic plays*. Leningrad: Soviet writer. 351 p. (In Russ).

REFERENCES

Abasheva, V. V., Abasheva, M. P. (2012). Literature and geography: the Urals in geopoetics of Russia. *Bulletin of the Perm University*, 2 (12): 143—151. (In Russ).

Alexandrov-Osokina, O. N. (2020) Issues of Geopoetics in Modern Literary Criticism. *Nauchnyi dialog*, 5: 216—241. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-216-241. (In Russ).

Hansen-Levet, A. (2003). *Russian symbolism: the system of poetic motifs: Mythopoetic symbolism of the beginning of the century: Cosmic symbolism*. St. Petersburg: Academic Project. 413 p. ISBN in 5-7331-0256-H. (In Russ).

Kagansky, V. L. (2001). *Kulturny landscape and Soviet habitable space*. Moscow: New Literary Review. 576 p. ISBN: 5-86793-142-0. (In Russ).

Karatanova, A. B. (2018). Images of solar mythology of the Egyptians in the perception and evaluation of K. D. Balmont. *Baltic humanitarian journal*, 7 / 4 (25): 169—172. (In Russ).

Kopteva, Gg. (2016). Poem N. Zabolotsky “Flight into Egypt”: the paradox of two-prisms of the world relation. In: *Culture. Spirituality. Society*. 54—60. (In Russ).

- Kuvshinov, F. V. (2015). The theme of Africa in Russian literature of the first third of the twentieth century. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, 2: 45—49. (In Russ).
- Kuzina, N. V. (2019). On the reception of Ancient Egypt in Russian literature. In: *Bulletin of Science and Practice*, 5 (11): 395—403. DOI: 10.33619/2414-2948/48/49. (In Russ).
- Lavrenova, O. A. (2010). *Spaces and meanings: semantics of the cultural landscape*. Moscow: Institute of Heritage. 327 p. 978-5-86443-162-7 ISBN number. (In Russ).
- Leontieva, A. Yu. (2013). Two “Egyptians” in the aesthetics of O. E. Mandelstam. In: *Language and culture*. 104—108. (In Russ).
- Likhachev, D. S. (1987). *Selected works: in 3 vol., 3. Man in the literature of Ancient Russia; About “The Word about Igor’s regiment”; Literature reality-literature; About Gardens*. Leningrad: Fiction. 519 p. (In Russ).
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosphere. Articles. Researches. Notes. (1968—1992)*. Saint-Petersburg: Art-SPb. 704 p. ISBN b 5-210-01562-9. (In Russ).
- Maiga, A. A. (2016). *Africa in French and Russian travelogues (A. Zhid and N. Gumilev)*. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 21 p. (In Russ).
- Manakov, A. G. (2002). *Geocultural space of the North-West of the Russian plain: dynamics, structure, hierarchy*. Pskov: Rebirth. 298 p. ISBN 5-902166-02-0. (In Russ).
- Matic, O. (2008). *Erotic utopia: New Religious consciousness and the end of the XIX century in Russia*. Moscow: UFO. 400 p. ISBN 978-5-86793-642-6. (In Russ).
- Mulakhi, S., Pinaev, S. M. (2019). Culture of North Africa in travel notes of Russian travelers of the end of the XIX — beginning of the XX century. *Vestnik RUDN. Series: Literary Studies. Journalism: in 24 vol., 3*: 585—595. DOI-10.22363/2312-9220-2019-24-3-585-593. (In Russ).
- Mulakhi, S. (2020). North Africa through the prism of perception of Russian travelers: Algeria, Tunisia, Egypt in Russian travelogues. *Polylingualnost i praktiki*, 17 (4): 505—513. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-4-505-513. (In Russ).
- Nikonov, O. A., Makeev, D. A. (2019). The Image of Egypt in the works and the fate of Nikolai Gumilyov. In: *West and East: the history and future development. Collection of articles of the 30th Anniversary International Scientific and Practical Conference, April 18—19, 2019*. 555—565. (In Russ).
- Panova, L. G. (2006). *Russian Egypt. Alexandrian poetics of Mikhail Kuzmin, I*. Moscow: Progress-Pleiad. 680 p. (In Russ).
- Panova, L. G. (2006). *Russian Egypt. Alexandrian Poetics by Mikhail Kuzmin. Appendices, Bibliography, index, II*. Moscow: Progress-Pleiad. 408 p. ISBN 5-902312-80-9. (In Russ).
- Tokarev, S. A. (ed.). (2008). *Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 volumes*. Moscow. 1147 p. (In Russ).
- Toporov, V. N., Tsviyann, T. V. (1983). *Space and text. Text: semiotics and structure*. Moscow: The science. 227—285. (In Russ).
- Tuan, Yu. (1978). Literature and geography: significance for geographical research. *Humanistic geography: prospects and problems*. Chicago: Maaroufa Press. 194—206.
- Vinogradov, V. V. (1971). *On the theory of the speech*. Moscow: Higher School. 240 p. (In Russ).
- Yeltsova, E. N., Mulakhi, S. (2017). “The Arab is a flower ...”: geocultural image of Tunisia in the travel notes of A. Bely. *Russian language abroad*, 3 (262): 96—103. (In Russ).
- Zamyatin, D. N. (2006). *Culture and space. Modeling of geographical images: a monograph*. Moscow: Sign. 487 p. ISBN 5-9551-0144-6. (In Russ).